

**Гофман Эрнст Теодор Амадей**

## **ДОН ЖУАН**

### **Оглавление**

ДОН ЖУАН

## Небывалый случай, происшедший с неким путешествующим энтузиастом

Пронзительный звонок и громкий возглас: «Представление начинается!» вспугнули мою сладкую дремоту, и я очнулся. Наперебой гудят контрабасы; удар литавр — взревели трубы; гобой тянет звонкое ля — вступили скрипки, — я протираю глаза. Неужто неугомонный сатана подхватил меня, благо я был под хмельком?.. Нет! Я лежу в комнате гостиницы, куда добрался вчера вечером, после того как из меня вытрясло душу.

Прямо над моим носом болтается внушительная кисть сонетки; яростно дергаю ее, появляется слуга.

— Ради бога, что это за какофония? Уж не дают ли здесь, чего доброго, концерт?

— Ваше превосходительство (я спросил себе к обеду за общим столом шампанского), ваше превосходительство, должно быть, еще не изволите знать, что наша гостиница соединена с театром.<sup>1</sup> Через эту вот потайную дверь можно коридорчиком пройти прямо в двадцать третий номер — в ложу для приезжих.

— Что такое? Театр? Ложа для приезжих?

— Ну да, ложа для приезжих, маленькая, на двоих, в крайности на троих для самых что ни на есть знатных постояльцев, вся обита зеленым, с решетчатыми окнами, тут же у сцены! Если вашему превосходительству благоугодно, сегодня у нас идет «Дон Жуан» знаменитого господина Моцарта из Вены. Плату за место — талер и восемь грошей — мы припишем к счету.

Договорил он это, уже отпирая дверь ложи, ибо, едва он произнес «Дон Жуан», как я поспешил через потайную дверь в коридорчик. Для города средней руки театр был достаточно вместителен, отделан со вкусом и ярко освещен. В ложах и в партере — полным-полно зрителей. С первых же аккордов увертюры я убедился, что оркестр превосходный и, если певцы будут мало-мальски сносные, по-настоящему порадует меня исполнением гениальной оперы. В анданте я был потрясен ужасами грозного подземного *regno all pianto*;<sup>2</sup> душа исполнилась трепетом от предчувствий самого страшного. Нечестивым торжеством прозвучала для меня ликующая фанфара в седьмом такте аллегро — я увидел, как из непроглядной тьмы огненные демоны протягивают раскаленные когти, чтобы схватить беспечных людей, которые весело отплясывают на тонкой оболочке, прикрывающей бездонную пропасть. Моему духовному взору явственно представилось столкновение человека с неведомыми, злокозненными силами, которые его окружают, готовя ему погибель. Наконец буря улеглась; взвился занавес. Темная ночь; зябко и сердито кутаясь в плащ, шагает перед павильоном Лепорелло: «*Notte e goirno faticar...*»<sup>3</sup> Вот как, по-итальянски! Здесь, в немецком городке, по-итальянски! Ah, *che piacere*!<sup>4</sup> Значит, я услышу и речитативы и все остальное так, как их задумал и воплотил великий художник! Из павильона выбегает Дон Жуан; следом — донна Анна, удерживая нечестивца за плащ. Какое явление! Пожалуй, она недостаточно высока ростом, статна и величава, зато какое лицо! Глаза, из которых, как из единого фокуса, снопом сыплются пылающие искры любви, гнева, ненависти, отчаяния и, словно греческий огонь, зажигают душу неугасимым пламенем! Рассыпавшиеся пряди темных волос волнистыми локонами вьются по спине, белое ночное одеяние предательски обнажает прелести, всегда небезопасные для нескромного взора. Сердце судорожно бьется, в

---

<sup>1</sup> ...наша гостиница соединена с театром. — Бамбергский театр соединялся коридором с гостиницей и кабачком «Роза», где любил сживать с друзьями Гофман.

<sup>2</sup> Царство слез (ит.).

<sup>3</sup> День и ночь изволь служить... (ит.)

<sup>4</sup> Ах, какая радость! (ит.)

него когтями впиалась мысль о страшном деянии. И вот — что за голос! «Non sperar se non m'uccidi...»<sup>5</sup> Подобно сверкающим молниям, пронизывают гром инструментов отлитые из неземного металла звуки!

Дон Жуан тщетно старается вырваться. Да и хочет ли он вырваться? Почему не оттолкнет он эту женщину ударом кулака и не бросится бежать? Злое ли дело подкосило его или же лишил сил и воли внутренний поединок между любовью и ненавистью? Старик отец поплатился жизнью за то, что безрассудно набросился в темноте на сильного противника; Дон Жуан и Лепорелло, речитативом беседуя между собой, выходят на авансцену. Дон Жуан откидывает плащ и предстает во всем блеске затканного серебром наряда из красного бархата с разрезами. Великолепная, исполненная мощи фигура, мужественная красота черт: благородный нос, пронзительный взгляд, нежно очерченные губы; странная игра надбровных мускулов на какой-то миг придает лицу мефистофельское выражение и, хотя не вредит красоте, все же возбуждает безотчетную дрожь. Так и кажется, будто он владеет магическими чарами гремучей змеи; так и кажется, что женщины, на которых он бросил взгляд, навсегда обречены ему и, покорствуя недоброй силе, стремятся навстречу собственной гибели. Вокруг него суетится Лепорелло, долговязый и тощий, в полосатом красном с белым камзоле, коротком красном плаще и белой шляпе с красным пером. На лице слуги удивительным образом сочетается выражение добродушия, лукавства, сладострастия и насмешливой наглости; черные брови никак не вяжутся с седоватыми волосами и бородой. Сразу видно, что старый плут — достойный слуга и помощник Дон Жуана. Оба благополучно скрылись, перепрыгнув через ограду.

Факелы — появляются донна Анна и дон Оттавио, жеманный, разряженный, вылощенный человек; на вид ему не больше двадцати одного года. В качестве нареченного Анны он, должно быть, живет тут же в доме и потому явился, как только его позвали; а мог бы и без зова, едва услышав шум, прибежать на помощь отцу невесты; но ему надо было сперва принарядиться, и вдобавок он побаивается выходить на улицу ночью. «Ma quai mai s'offre, o dei, spettacolo funesto agli occhi miei!»<sup>6</sup>

В мучительных, душераздирающих звуках этого речитатива и дуэта чувствуется нечто большее, нежели отчаяние перед лицом нечестивейшего злодейства. Одно преступное деяние Дон Жуана, ему только грозившее гибелью, отцу же стоившее жизни, не могло исторгнуть такие звуки из стесненной груди, — нет, они порождены пагубной, убийственной внутренней борьбой.

Только что донна Эльвира — высокая, сухопарая, с явными следами замечательной, но поблекшей красоты, — принялась поносить вероломного Дон Жуана: «Tu nido d'inganni!»<sup>7</sup> — а жалостливый Лепорелло очень верно заметил: «Parla come un libro stampato»,<sup>8</sup> — как вдруг я ощутил рядом или позади себя чье-то присутствие. Кто-нибудь свободно мог отворить дверь за моей спиной и прошмыгнуть в ложу, — эта мысль больно кольнула меня в сердце. Я так радовался, что, кроме меня, никого нет в ложе и никто не мешает мне всеми фибрами души, точно щупальцами полипа, охватывать и вбирать в себя исполняемое с таким совершенством великое творение! Одно замечание, да еще, чего доброго, глупое, могло самым болезненным образом спугнуть чудесный миг музыкально-поэтического восторга! Я решил вовсе не замечать соседа по ложе и, всецело углубившись в представление, избегать малейшего слова или взгляда. Склонив голову на руку и повернувшись спиной к соседу,

---

<sup>5</sup> Не надейся! Все напрасно... (ит.)

<sup>6</sup> Но что там? Боже мой! Как все ужасно, глазам не верю! (ит.)

<sup>7</sup> Наглый обманщик!.. (ит.)

<sup>8</sup> Говорит, словно пишет (ит.)

смотрел я на сцену. Дальнейший ход представления гармонировал с превосходным началом.

Похотливая, влюбленная крошка Церлина сладкозвучными напевами утешала добродушного простофилю Мазетто. В бурной арии «Fin ch'han dal vino...»<sup>9</sup> Дон Жуан, нимало не таясь, раскрыл свою мятушуюся душу, свое презрение к окружающим его людишкам, созданным лишь для того, чтобы он, себе на потеху, пагубно вторгался в их тусклое бытие. И мускул на лбу дергался сильнее прежнего. Появляются маски. Их терцет — это молитва, чистыми, сияющими лучами возносящаяся к небесам.

Взвывается средний занавес. Здесь идет пир горой, звон кубков, веселая толкотня поселян и разнообразных масок, которых привлекло празднество Дон Жуана. Но вот приходят трое мстителей. Торжественность нарастает вплоть до начала танцев. Церлина спасена, и в мощном громе финала Дон Жуан с обнаженным мечом выступает навстречу своим противникам. Выбив из рук жениха щегольскую стальную шпажонку, он расчищает себе дорогу через толпу черни и, как отважный Роланд войско тирана Циморка,<sup>10</sup> направо и налево раскидывает всех, кто ему подвернется, и те презабавно летят кувырком.

Несколько раз я как будто ощущал позади легкое теплое дыхание и улавливал шелест шелкового платья, что говорило о присутствии в ложе женщины. Но я не обращал на это внимания, всецело погрузившись в мир поэзии, который открывала мне опера. Когда же занавес упал, я оглянулся на свою соседку. Нет, словами не выразить моего изумления. Донна Анна в том самом костюме, в каком я только что видел ее на подмостках, стояла за мной, устремив на меня свой проникновенный взор. Онемев, смотрел я на нее; на ее губах (так мне померещилось) мелькнула чуть заметная насмешливая улыбка, в которой я увидел отражение своей собственной нелепой фигуры. Я понимал, что мне необходимо заговорить с ней, но язык не слушался меня, парализованный изумлением или, вернее, испугом. Наконец-то, наконец у меня почти непроизвольно вырвался вопрос:

— Как это может быть, что вы здесь?

Она не замедлила ответить на чистейшем тосканском наречии, что будет лишена удовольствия беседовать со мной, ежели я не разумею по-итальянски, она же ни на каком другом языке не говорит. Ее речь звучала как чарующее пение. Во время разговора ее синий взор становился еще выразительней, и молнии, которыми он сверкал, вливали мне в грудь пламень, отчего сильнее стучала в сердце кровь и трепетала каждая жилка. Я не ошибся — это была донна Анна. Мне не приходило в голову раздумывать над тем, как могла она в одно и то же время находиться на сцене и в моей ложе. Как в блаженном сне сочетаются самые несоединимые явления, но чистая вера постигает сверхчувственное и без усилия включает его в круг так называемых естественных жизненных явлений, так и я близ этой удивительной женщины впал в своего рода сомнамбулическое состояние, и мне стало ясно, что мы с ней связаны тесными, таинственными узами, которые не позволяют ей, даже появляясь на сцене, разлучаться со мной.

Как бы мне хотелось, друг Теодор, пересказать тебе каждое слово примечательной беседы, завязавшейся теперь между синьорой и мной. Стоит мне, однако, записать по-немецки все сказанное ею, и каждое слово представляется мне фальшивым, бледным, каждая фраза слишком нескладной, чтобы передать непринужденность и обаяние ее тосканской речи.

Когда она заговорила о Дон Жуане и о своей роли, мне будто сейчас лишь открылись все глубины гениального творения, и, заглянув в них, я с полной ясностью увидел фантастические образы неведомого мира. Она призналась, что для нее вся жизнь — в музыке, и порою ей чудится, будто то заповедное, что замкнуто в тайниках души и не поддается выражению

---

<sup>9</sup> Чтобы кипела кровь горячее... (ит.)

<sup>10</sup> *Циморк* (Цимоск) — персонаж рыцарской поэмы Ариосто «Неистовый Роланд», написанной на сюжет французского средневекового эпоса «Песнь о Роланде» и куртуазных романов «Круглого стола»; в 9 песне поэмы рассказывается о том, как Роланд преследует и убивает короля варваров Цимоска («Циморк» — ошибка или описка Гофмана).

словами, она постигает, когда поет.

— Да, тогда я все постигаю до конца, — продолжала она, возвысив голос, с пламенем во взоре, — но вокруг меня все остается холодно и мертво. И когда мне рукоплещут за трудную руладу или искусный прием, мое пылающее сердце сжимают ледяные руки! Но ты... ты меня понял, ибо я знаю — тебе тоже открылась чудесная романтическая страна, где царят нежные чары звуков!

— Как! Ты знаешь меня? Ты... ты, божественная, изумительная женщина?

— А разве у тебя в последней опере, в партии не вылилось прямо из души пленительное безумие вечно неутоленной любви? Я разгадала тебя: твой духовный мир раскрылся мне в пении! Да (и она назвала меня по имени), то, что я пела, был ты, а твои мелодии — это я.

Зазвонил театральный колокольчик; с незагримированного лица Анны мгновенно сбежали краски; помертвев, схватилась она рукой за сердце, как от внезапной боли, и, тихо промолвив: «Несчастливая Анна, настали самые страшные для тебя минуты», — исчезла из ложи.

Если первым действием я был восхищен, то теперь, после удивительного происшествия в ложе, музыка производила на меня совсем особое, непостижимое впечатление. Словно давно обещанное исполнение прекраснейших снов нездешнего мира сбывалось наяву; словно затаенные чаяния восхищенной души через волшебство звуков сулили чудесным образом превратиться в поразительное откровение. В сцене донны Анны меня овеяло мягким теплым дыханием, и я затрепетал от упоительного блаженства; глаза у меня закрылись сами собой, и пылкий поцелуй как будто ожег мне губы, но поцелуй этот был точно исторгнутая неутолимимым желанием долго звенящая нота.

Финал начался с нечестивого ликования «*Gia la mensa и preparata!*».<sup>11</sup> Дон Жуан балагурил, сидя между двумя девицами, и откупоривал бутылку за бутылкой, чтобы дать над собою полную волю накрепко запертым бурливым духам. Сцена изображала неглубокую комнату с большим готическим окном на заднем плане, в которое виднелось ночное небо.

Пока Эльвира напоминала вероломному о его клятвах, в окне уже полыхали частые молнии и слышались глухие раскаты надвигающейся бури. Но вот грозный стук. Эльвира и девицы убегают; и под зловещие аккорды подземного царства духов появляется грозный мраморный гигант, перед которым Дон Жуан представляется пигмеем. Пол дрожит под громоподобной поступью великана. Сквозь бурю и гром, сквозь вой демонов Дон Жуан выкрикивает свое страшное «No!» — пробил роковой час. Статуя исчезает; комнату заволочло густым дымом; в нем возникают страшные образы. Среди демонов виден Дон Жуан, извивающийся в адских муках. Взрыв — будто куда-то ударили тысячи молний. Дон Жуан и демоны исчезли, испарились вмиг. Лепорелло лежит без чувств в углу комнаты. Как освежающе действует появление прочих действующих лиц, которые тщетно ищут Дона Жуана, вмешательством подземных сил избавленного от земного мщения! Только сейчас словно вырываешься из заколдованного круга адских сил.

Донна Анна неузнаваемо изменилась — смертельная бледность покрывает теперь ее лицо, глаза угасли, голос дрожит и срывается, но именно потому производит потрясающее впечатление в маленьком дуэте с любезным женихом, который спешит сыграть свадьбу, после того как небеса сняли с него опасный долг мстителя.

Фугированный хор превосходно завершил произведение, сведя его в одно гармоническое целое. Я поспешил к себе в комнату в таком восторженном состоянии духа, в каком никогда дотоле не бывал. Слуга пришел звать меня к общему столу, и я машинально последовал за ним. По случаю ярмарки общество собралось отменное, а разговор шел о сегодняшнем представлении «Дон Жуана». В общем, одобряли итальянцев за то, что их исполнение хватает за душу; однако из мелких замечаний, брошенных кое-кем в самом игривом тоне, явствовало, что никто и отдаленно не понимает всей глубины этой величайшей

---

<sup>11</sup> Вот и ужин приготовлен! (ит.)

из опер. Очень понравился дон Оттавио. Донна Анна, на взгляд одного из собеседников, проявила чрезмерную страстность. На театре, по его словам, следует должным образом себя сдерживать, избегая волнующих крайностей. Рассказ о дерзком посягательстве порядком шокировал его. При этих словах он взял понюшку табаку и с неописуемо глупым глубокомыслием поглядел на своего соседа, который возразил, что итальянке никак нельзя отказать в красоте. Жаль только, что она мало заботится о нарядах и прикрасах; как раз в той самой сцене у нее развился локон и на лицо вполоборота легла тень! Тут кто-то принялся под сурдинку напевать: «Fin ch'han dal vino», — на что одна из дам заметила, что ей пришлось совсем не по вкусу Дон Жуан: слишком уж итальянец был мрачен, слишком уж серьезен и вообще недостаточно легко подошел к игривому и ветреному образу героя. Зато финальный взрыв всех привел в восторг. Пресытившись этим вздором, я поспешил к себе в комнату.

### В ложе для приезжающих № 23

Мне было душно, я задыхался взаперти, в тесной комнате! Около полуночи мне почудился твой голос, друг Теодор! Ты явственно произнес мое имя, и что-то зашелестело за потайной дверью. Почему бы мне не посетить еще раз место моего удивительного приключения? Может статься, я увижу тебя и ее, ту, коей полно все мое существо! Ничего не стоит перенести туда столик, две свечи, письменные принадлежности!

Слуга является с заказанным мною пуншем. Он видит, что комната пуста, а потайная дверь открыта; он идет ко мне в ложу и смотрит на меня весьма неодобрительно. По моему знаку он ставит напиток на стол и удаляется, но оглядывается еще раз — с языка у него готов сорваться вопрос. Я уже поворачиваюсь к нему спиной и, перегнувшись через барьер ложи, всматриваюсь в опустевший зал, — призрачный свет двух моих свечей, бросая причудливые блики, придает его очертаниям нереальный, фантастический вид. Занавес колеблется от гуляющего по всему зданию сквозняка.

А вдруг сейчас взвоется? Вдруг, испугавшись мерзких образин, выбежит донна Анна? «Донна Анна», — невольно позвал я; мой зов потерялся в пустом зале, зато пробудились души инструментов, над оркестром задрожал странный звук, словно прошелестело милое сердцу имя! Я был не в силах подавить затаенный ужас, который блаженным трепетом пронизал мои нервы.

Наконец я обуздал свое смятение и почитаю долгом хотя бы в общих чертах изложить тебе, друг Теодор, как я — кажется, впервые правильно, во всей его глубине — понимаю чудесное создание божественного мастера. Лишь поэт способен постичь поэта; лишь душе романтика доступно романтическое; лишь окрыленный поэзией дух, принявший посвящение посреди храма, способен постичь то, что изречено посвященным в порыве вдохновения. Если смотреть на поэму («Дон Жуана») с чисто повествовательной точки зрения, не вкладывая в нее более глубокого смысла, покажется непостижимым, как мог Моцарт задумать и сочинить к ней такую музыку. Кутила, приверженный к вину и женщинам, из озорства приглашающий на свою разгульную пирушку каменного истукана вместо старика отца, которого он заколол, защищая собственную жизнь, — право же, в этом маловато поэзии, и, по чести говоря, подобная личность не стоит того, чтобы подземные духи остановили на нем свой выбор как на особо редкостном экземпляре для адской коллекции; чтобы каменный истукан по внушению своего просветленного духа поторопился сойти с коня, дабы подвинуть грешника к покаянию, прежде чем для него пробьет последний час, и, наконец, чтобы дьявол выслал самых ловких из своих подручных доставить его в преисподнюю, нагромоздив при этом как можно больше ужасов.

Верь мне, Теодор, Дон Жуан — любимейшее детище природы, и она наделила его всем тем, что роднит человека с божественным началом, что возвышает его над посредственностью, над фабричными изделиями, которые пачками выпускаются из мастерской и перестают быть нулями, только когда перед ними ставят цифру; итак, он был рожден победителем и властелином. Мощное, прекрасное тело, образ, в котором светится

искра божия и, как залог совершенного, зажигает упование в груди; душа, умеющая глубоко чувствовать, живой восприимчивый ум. Но в том-то вся трагедия грехопадения, что, как следствие его, за врагом осталась власть подстерегать человека и расставлять ему коварные ловушки, даже когда он, повинувшись своей божественной природе, стремится к совершенному. Из столкновения божественного начала с сатанинским проистекает понятие земной жизни, из победы в этом споре — понятие жизни небесной. Дон Жуан с жаром требовал от жизни всего того, на что ему давала право его телесная и душевная организация, а неутолимая жгучая жажда, от которой бурливо бежит по жилам кровь, побуждала его неустанно и алчно набрасываться на все соблазны здешнего мира, напрасно чая найти в них удовлетворение.

Пожалуй, ничто здесь, на земле, не возвышает так человека в самой его сокровенной сущности, как любовь. Да, любовь — та могучая таинственная сила, что потрясает и преображает глубочайшие основы бытия; что же за диво, если Дон Жуан в любви искал утolenия той страстной тоски, которая теснила ему грудь, а дьявол именно тут и накинул ему петлю на шею? Враг рода человеческого внушил Дон Жуану лукавую мысль, что через любовь, через наслаждение женщиной уже здесь, на земле, может сбыться то, что живет в нашей душе как предвкушение неземного блаженства и порождает неизбывную страстную тоску, связующую нас с небесами. Без устали стремясь от прекрасной женщины к прекраснейшей; с пламенным сладострастием до пресыщения, до губительного дурмана наслаждаясь ее прелестями; неизменно досадуя на неудачный выбор; неизменно надеясь обрести воплощение своего идеала, Дон Жуан дошел до того, что вся земная жизнь стала ему казаться тусклой и мелкой. Он издавна презирал человека, а теперь восстал и на то чувство, что было для него выше всего в жизни и так горько его разочаровало. Наслаждаясь женщиной, он теперь не только удовлетворял свою похоть, но и нечестиво глумился над природой и творцом. Глубоко презирал он общепринятые житейские понятия, чувствуя себя выше их, и язвил насмешкой тех людей, которые надеялись во взаимной любви, узаконенной мещанской моралью, найти хотя бы частичное исполнение высоких желаний, коварно заложенных в нас природой, — а потому-то он и спешил дерзновенно и беспощадно вмешаться именно там, где речь шла о подобном союзе, и бросал вызов неведомому вершителю судеб, в котором видел злорадное чудовище, ведущее жестокую игру с жалкими порождениями своей насмешливой прихоти. Соблазнить чью-то любимую невесту, сокрушительным, причиняющим неисцелимое зло ударом разрушить счастье любящей четы — вот в чем видел он величайшее торжество над враждебной ему властью, расширяющее тесные пределы жизни, торжество над природой, над творцом!

Он и в самом деле преступает положенные жизнью пределы, но лишь затем, чтобы низвергнуться в Орк.<sup>12</sup> Обольщение Анны со всеми сопутствующими обстоятельствами — вот кульминация, которой он достигает.

Донна Анна недаром противопоставлена Дон Жуану — она тоже щедро одарена природой: как Дон Жуан в основе своей — на диво мощный, великолепный образец мужчины, так она — божественная женщина, и над ее чистой душой дьявол оказался не властен. Все ухищрения ада могли погубить лишь ее земную плоть. Едва сатана довершил пагубное дело, как, выполняя волю небес, ад не посмел медлить и с возмездием. Дон Жуан в насмешку приглашает на веселый ужин статую заколотого старца, и просветленный дух убитого, прозрев наконец сущность этого падшего человека и скорбя о нем, не гнушается явиться в страшном облике, чтобы подвигнуть его на покаяние. Но Дон Жуан так растлен, так смятен духом, что даже небесная благодать не заронит ему в сердце луч надежды и не возродит его для лучшего бытия!

Конечно, ты запомнил, друг Теодор, что я раньше вскользь коснулся обольщения донны Анны; насколько мне удастся сейчас, когда мысли и представления, поднимаясь из недр души,

---

<sup>12</sup> Орк — в римской мифологии — бог смерти, доставлявший в подземное царство. позднее — подземный мир.

опережают слова, постараюсь объяснить тебе, какими вырисовываются передо мной в музыке, независимо от текста, все перипетии борьбы этих двух натур (Дон Жуана и донны Анны). Выше я уже сказал, что Анна противопоставлена Жуану. Ну, а если само небо избрало Анну, чтобы именно в любви, происками дьявола сгубившей его, открыть ему божественную сущность его природы и спасти от безысходности пустых стремлений? Но он встретил ее слишком поздно, когда нечестие его достигло вершины, и только бесовский соблазн погубить ее мог проснуться в нем. Она не избежала своей участи! Когда он спасался бегством, нечестивое дело уже свершилось. Огонь сверхчеловеческой страсти, адский пламень проник ей в душу, и всякое сопротивление стало тщетно. То сладострастное безумие, какое бросило Анну в его объятия, мог зажечь только он, только Дон Жуан, ибо, когда он грешил, в нем бушевало сокрушительное неистовство адских сил. После того как, совершив злое дело, он собрался бежать, в нее, точно мерзкое, изрыгающее смертельный яд чудовище, впилося сознание, что она погибла. Смерть отца от руки Дон Жуана, брачный союз с холодным, вялым, ничтожным доном Оттавио, которого она прежде, как ей казалось, любила, и даже ненасытным пламенем бушующая в тайниках ее души любовь, что вспыхнула в минуту величайшего упоения, а ныне жжет, как огонь беспощадной ненависти, все, все это раздирает ей грудь. Она чувствует: лишь гибель Дон Жуана даст покой душе, истерзанной смертными муками; но этот покой означает конец ее собственного земного бытия. Поэтому она неотступно понуждает своего слабодушного жениха к мщению, сама преследует нечестивца. Но вот подземные силы низринули его в Орк, и она как будто успокаивается, однако не может уступить жениху, которому не терпится сыграть свадьбу: «Lascia, o caro, un anno ancora, allo sfogo del mio cor!»<sup>13</sup> Ей не суждено пережить этот год; дон Оттавио никогда не заключит в свои объятия ту, которую избрал своей невестой сатана, но чистота души избавила от его власти.

Как живо, как глубоко ощущаю я все это в потрясающих аккордах первого речитатива и рассказа о ночном нападении! И даже сцена донны Анны во втором действии: «Crudele»,<sup>14</sup> с виду обращенная только к дону Оттавио, на самом деле скрытыми созвучиями, искуснейшими переходами выражает то состояние души, когда на земном счастье поставлен крест. Что бы иначе означала странная, даже, может быть, бессознательно брошенная поэтом под конец фразы: «Forse in giorno il cielo ancora sentira piete di me!»<sup>15</sup>

Бьет два часа! Теплое, насыщенное электричеством дуновение коснулось меня — я слышу слабый аромат тонких итальянских духов, по которым вчера прежде всего ощутил присутствие соседки; мною овладевает блаженное состояние, которое я, пожалуй, мог бы выразить только в звуках. Ветер сильнее свищет по залу — вот в оркестре зазвенели фортепьянные струны. Мне почудился голос Анны: «Non me dir bell'idol mio!»<sup>16</sup> Словно откуда-то очень издалека на крыльях нарастающих звуков призрачного оркестра долетел он до меня. Раскройся, далекое неведомое царство духов, край чудес Джиннистан,<sup>17</sup> где в неизъяснимой благодатной скорби, как в величайшей радости, для восхищенной души с переизбытком исполняется все обещанное на земле! Позволь мне вступить в круг твоих пленительных видений. Пусть сон, твой вестник, которого ты посылаешь навеять на смертных

---

<sup>13</sup> Друг мой милый, тебя прошу я год один лишь подождать! (ит.)

<sup>14</sup> Жестока (ит.).

<sup>15</sup> Верь мне, верь, любовь восторжествует! (ит.)

<sup>16</sup> Нет, жестокой, милый друг мой, ты меня не называй! (ит.)

<sup>17</sup> *Джиннистан* (от арабского джинн — дух, демон — в арабских и персидских сказках — фантастическая страна, где обитают духи; царство фей из «Тысячи и одной ночи»; счастливая страна грёз в романтической поэзии).

ужас или осчастливить их, — пусть, когда я усну и тело будет сковано свинцовыми путами, пусть унесет он мой дух в эфирные селения!

### **Разговор в полдень за общим столом, в виде послесловия**

**Умник с табакеркой** (*громко стуча по ее крышке*). Какая досада! Не скоро доведется нам теперь услышать порядочную оперу! Вот что значит потерять всякую меру!

**Смуглолицый**. Верно, верно! Я без конца твердил ей то же самое! Роль донны Анны всегда ее порядком утомляла. А вчера она и вовсе была как одержимая. Весь антракт, говорят, пролежала без чувств, а сцену второго действия будто бы провела в нервическом припадке.

**Незначительный**. Скажите на милость!

**Смуглолицый**. Да, да, в нервическом припадке! И ее никак нельзя было увести из театра.

**Я**. Бога ради, припадок был не опасный? И мы скоро вновь услышим синьору?

**Умник с табакеркой** (*беря понюшку*). Навряд ли — нынче под утро, ровно в два часа, синьора скончалась.

\* \* \*